

**АВТОРСТВО «ЛАТИНСКИХ АННАЛОВ»
И «КОММЕНТАРИЕВ К ПРАВУ ПОНТИФИКОВ» ФАБИЯ ПИКТОРА***

Основная идея представленной работы с довольно неуклюжим и странным названием крайне проста: попытаться доказать, что первый исторический труд римлян, написанный на греческом языке Кв. Фабием Пиктором примерно во время второй Пунической войны, уже в I в.¹ был вытеснен сочинением другого Фабия Пиктора, написанным по-латыни, и даже, вероятно, забыт, отчего у древних в дальнейшем произошла некоторая путаница.

Следует начать с того, что античные писатели упоминали о трех работах, авторство которых принадлежало Фабию Пиктору. Первая работа – это те самые «Греческие анналы», которые единодушно признаются самым древним историческим сочинением римлян². Вторая работа была написана на латинском языке. Авл Геллий это сочинение, которое, по его свидетельству, было весьма древним, называет *annales (bonae atque sinceræ vetustatis libri – V.4.3)*, а Ноний Марцелл, – *res gestæ (s. v. picumnus)*. Однажды эту работу упоминает Квинтилиан (I.6.12) и дважды – Сервий в комментариях к «Энеиде» (XII.603; VIII.630). Преномен автора латинского сочинения не называет никто из вышеупомянутых писателей. Наконец, под именем Фабия Пиктора сохранились фрагменты еще одного сочинения на латинском языке – *Iuris pontificii libri*. Название этого сочинения приводит Макробий (*Sat.* III.2.11), а также Ноний (s. v. *picumnus*). Преномен опять же неизвестен, но, по ценному свидетельству Нония, у «Латинских анналов» и «Комментариев к понтификальному праву» один и тот же автор (s. v. *picumnus*)³.

* Представленная статья является расширенным вариантом выступления, которое было сделано 13 февраля 2006 г. в рамках Мемориальных чтений памяти К. П. Полонской на кафедре классической филологии МГУ. Хочется особо поблагодарить организаторов этого выступления и тех коллег, которые высказали мне свои советы и пожелания: А. Е. Кузнецова, А. И. Любжина, А. И. Солопова, а также Н. Е. Самохвалову и Е. С. Цыпилеву.

¹ Все даты в этой статье кроме специально оговоренных – до н. э.

² Название этого сочинения нам неизвестно. Из разбросанных свидетельств разных авторов мы располагаем рядом названий: 'Ρωμαϊκά (Dion. Hal. Ant. Rom. VII.71.1), περὶ τῆς 'Ρωμῆς, 'Ρωμαίων πράξεις (Diod. VII.5.4). Но остается совершенно непонятным, как точно называлось это сочинение и имело ли оно вообще свое имя. Поэтому традиционно его называют «Греческие анналы». См.: Gelzer M. Römische Politik bei Fabius Pictor // Gelzer M. Kleine Schriften. Wiesbaden, 1964. Bd. III. S. 51; Balsdon J. P. V. D. Some Questions about Historical Writing in the Second Century B. C. // CQ. 1953. Vol. 3. № 3/4. P. 161. А. И. Любжин полагает, что греческое название πράξεις соответствует латинскому *res gestæ*.

³ Хотя, по всей видимости, сам Ноний использовал труд Пиктора не напрямую, а посредством Варрона (cf. p. 223). У Линдсей обоснованно не включил Фабия в число источников Нония (Lindsay W. M. De citationibus apud Nonium Marcellum // Philologus. 1905. Vol. 114. P. 438–464). Следует отметить также, что упоминания о латинских работах

Вопрос о соотношении сочинителя последних двух работ – *Annales Latini* и *Iuris pontificii libri* – с автором первого исторического труда у римлян, похоже, не имеет на настоящее время какого-либо категоричного разрешения. Современные издатели фрагментов ранних римских историков даже отказались от разделения авторства, как это было, например, в издании Г. Петера⁴, и публикуют сохранившиеся фрагменты «Греческих» и «Латинских анналов» вместе, не вдаваясь в подробную дискуссию⁵. Таким образом попробуем разобраться: имел ли какое-то отношение Кв. Фабий Пиктор – непосредственный участник войны с лигурийцами (233 г.) и галлами (225 г.), а также член знаменитого посольства в Дельфы в 216 г. после Каннского разгрома – к двум сочинениям, написанным на латинском языке, *Annales Latini* и *Iuris pontificii libri*, авторство которым античные писатели приписывают некоему Фабию Пиктору.

Сложность задачи заключается главным образом в том, что ряд античных свидетельств не дают нам возможность с точностью утверждать, какие именно «Анналы» приводятся: «Греческие» или «Латинские». Более того, о каком именно Фабии Пикторе шла речь, когда древние писатели упоминали его имя в ряду с остальными? Кого имел в виду Цицерон, когда писал: *ut noster Cato, ut Pictor, ut Piso* (*De orat.* II.51)? Если Квинта, то почему он следует после Катона, который был его младшим современником? Кого имел в виду Квинтилиан: *Ennium Pictoremque Fabium secutus* (sc. Varro – *Instit.* I.6.12)? Или Марий Викторин: *ex nostris autem Cincius, Fabius, Gellius*? Почему знаменитый первый римский историк стоит не первым, будучи старшим, а уступает это место Эннию или Цинцию Алименту⁶?

Если мы предположим самое простое, а именно, что здесь подразумевается какой-то иной Фабий Пиктор, то неизбежно встает другой вопрос: до какого времени римляне и греки использовали «Греческие анналы» и с какого времени они были замещены иным историческим сочинением («Латинскими анналами?»), чье авторство приписывалось еще одному Фабию Пиктору?

приводят только те авторы, которые жили начиная с I в. н. э. Все сведения о трудах Фабия сведены в таблицу. См. Приложение I.

⁴ *Veterum historicorum Romanorum reliquiae*. Disposuit, recensuit, praefatus est Hermannus Peter. Teubner. 1870. Vol. 1. В 1914 году вышло второе издание, несколько переработанное (*Veterum historicorum Romanorum reliquiae*. Ed. Hermannus Peter. Vol. 1. Teubner. 1914). В своей работе я ссылаюсь именно на эту книгу. В настоящее время английские ученые под руководством Т. Корнелла, Кр. Смита и Эд. Бисфема готовят новое издание.

⁵ См.: Chassignet M. *L'annalistique romaine. Les Annales des Pontifes. L'Annalistique ancienne* (fragments). Tome 1. P., 1996. Frag. 4, 6, 7d–7f, 23. И под той же самой нумерацией эти фрагменты вошли в издание *Die frühen römischen Historiker. Band 1. Von Fabius Pictor bis Cn. Gellius*. Herausgegeben, übersetzt und kommentiert von Hans Beck und Uwe Walter. Darmstadt, 2001. Нет разделения на «Греческие» и «Латинские анналы» в: Сидорович О. В. *Анналисты и антиквары. Римская историография конца III–I вв. до н. э. М.*, 2005. С. 110–112.

⁶ Ср.: Dion. Hal. *Ant. Rom.* I.79.4, где сообщается, что за Фабием следовали Луций Цинций и пр.: *ᾧ Λετίκιος τε Κίρκιος καὶ Κάτω Πόρκιος [...]* ἡκολούθησαν.

Не так давно американский исследователь Б. Фрир пришел к тому выводу, что Квинт Пиктор не был автором работ, написанных на латыни.

Во-первых, у римлян, вероятно, работы о понтификальном праве могли писать только понтифики, как на то указывает фрагмент речи Катона (frag. 197 = Gell. I.12.17 Malcovati): *ego me nunc volo ius pontificium optime scire; iamne ea causa pontifex capiar? si volo augurium optime tenere, equis me ob rem eam augurem capiat?*⁷ А Фабий Пиктор не занимал никакой жреческую должность. Сделать такое утверждение нам позволяет небольшое замечание Диона Кассия. Описывая, судя по всему, скандальное решение консула 57 г. П. Корнелия Спинтера, он сообщает (XXXIX.17.1), что у римлян существовал четкий закон, по которому два члена одного рода не могли входить в одну жреческую коллегию: τοῦ γὰρ νόμου διαρρήδην ἀπαγορεύοντος μηδένας δύο ἀπὸ τῆς αὐτῆς συγγενείας τὴν αὐτὴν ἱερατείαν ἔχειν⁸. Поэтому консул, дабы возвести своего сына в сан авгура, перевел (ἐξέποιήσεν) его в род Манлия Торквата, чтобы остаться в рамках упомянутого закона, так как в это время из того же рода Корнелиев одним из авгуров был Фауст, сын Суллы. Дион пишет, что хотя буква закона осталась нерушима, но дух его был нарушен. Это событие произошло в 57 г., но, по всей видимости, сам этот закон был гораздо более древним⁹.

Если мы примем данное сообщение Диона за достоверное, как и саму древность закона, то Пиктор не мог занимать жреческую должность: ни авгура, ни понтифика. Ведь по имеющимся у нас сведениям разные представители рода Фабиев уже занимали указанные должности: с 265 г. по 203 г. одним из авгуров был Фабий Максим¹⁰, а с 203 г. эта должность перешла к внуку (Liv. XXX.26.10), который и занимал ее до 196 г. (XXXIII.42.6¹¹). Что же касается понтификов, то мы располагаем достоверным списком их от второй Пунической войны и вплоть до 179 г.; с 216 г. и по 203 г. одним из них¹² был опять-таки Фабий

⁷ «Что же до меня, то нынче я хочу самым наилучшим образом знать понтификальное право, так неужели же по этой причине мне следует избираться в понтифики? А если я захочу постичь право авгуров, то разве по этой причине меня кто-нибудь выберет авгуром?»

⁸ См.: *Hahn D. E. Roman Nobility and the Three Major Priesthoods*, 218–167 B. C. // *TRAPA*. 1963. Vol. 94. P. 79.

⁹ См.: *Frier B. W. Libri Annales Pontificum Maximorum: The Origins of the Annalistic Tradition*. Rome, 1979. P. 247. Note 57.

¹⁰ Ливий пишет, что Фабий Максим был авгуром 62 года (XXX.26.7), с ним соглашается и Валерий Максим (VIII.13.3). Но Плиний этот срок удлиняет на один год (*Nat. hist.* VII.156). См.: *MRR*. P. 314 (s. v. augurs). После смерти внука Фабия Максима авгуром становится Г. Клавдий Пульхр, и вместе с тем появляется законная возможность у Кв. Фабия Пиктора. Но крайне маловероятно, чтобы на такую должность претендовал уже пожилой человек.

¹¹ Ливий, по всей видимости, ошибочно называет вместо внука – сына Фабия Максима: ведь в 196 году, по свидетельству того же Ливия, он умирает, не успев даже вступить в какую-либо должность: *admodum adulescens, priusquam ullum magistratum caperet*. См.: *MRR*. P. 314 (s. v. augurs). После смерти внука Фабия Максима авгуром становится Г. Клавдий Пульхр, и вместе с тем появляется законная возможность у Кв. Фабия Пиктора. Но крайне маловероятно, чтобы на такую должность претендовал уже пожилой человек.

¹² С 300 года по закону Огульния (*lex Ogulnia*) и до времени Суллы (*lex Cornelia*) их, должно быть, было девять (Liv. X.6; Герье В. И. История римского народа. Курс лекций,

Максим (XXIII.21.7; Dess. 56), а со 180 г. – Кв. Фабий Лабен (Liv. XL.42.6)¹³.

Строго говоря, по сохранившейся цитате Катона все же нельзя однозначно говорить, что занятие поста понтифика подразумевало необходимым сочинение книги о понтификальном праве. Но Катон, по-видимому, подразумевает какую-то более или менее сложившуюся традицию, в согласии с которой знатоками жреческого права могли быть только сами жрецы, что находится в рамках здравого смысла. С этим согласуется сообщение Ливия, что вплоть до 304 г. понтифика хранили в секрете те формулы, без которых не могло произойти ни одно законное действие¹⁴.

Вторая же причина, почему не Кв. Пиктор был автором сочинений на латинском языке, заключается в том, что Дионисий Галикарнасский, который является достаточно авторитетным источником, называл его первым, кто написал историю на греческом языке (I.6.2; 79.4; ср.: App. Ann. 116; Eutrop. III.5; Oros. IV.13.6–7). И уж тем более его приоритет был бы бесспорным, если бы он написал еще сочинение на латыни. Хотя античные авторы ничего не сообщают о том, кто первым составил сочинение на латинском языке, но, по всей видимости, это был либо Катон¹⁵, либо Кассий Гемин. Катон, по свидетельству Непота, приступил к написанию истории уже будучи стариком (*senex historias scribere instituit* (Cato. III¹⁶) и события в своем повествовании довел до 149 г. (Cic. Brut. XXIII.89). Про Кассия Геминя нам известно, что четвертую книгу, в которой шла речь о событиях второй Пуниче-

читанных ординарным профессором В. И. Герье на Московских высших женских курсах в 1887 году. М., 2002. С. 126; Dumézil G. La religion romaine archaïque. P., 1966. P. 111, 560–561; Latte K. Römische Religionsgeschichte. München, 1992. S. 196–197).

¹³ С сожалением следует заметить, что упомянутый Дионом закон среди понтификов, кажется, не всегда соблюдался. Ливий сообщает, что одновременно в коллегию понтификов входили (см. Приложение II) М. Корнелий Цетег (213–196 гг.: XXV.2.2) и Гн. Корнелий Сципион (198–176 гг.: XXXII.7.15); Сер. Сульпиций Гальба (203–199 гг.: XXX.26.10) и Г. Сульпиций Гальба (202–199 гг.: XXX.39.6). Эти события, вероятно, не вызвали никакого переполоха, о чем бы Ливий, в противном случае, упомянул. Можно предположить, если довериться римскому историку, что «закон» Диона вошел в силу позднее, а именно во II в., закрепив имеющуюся традицию. Кстати говоря, Р. Броутон не заметил Корнелиев: MRR. P. 319. Ф. Якоби сомневается, что Фабий был членом коллегии понтификов. И в Дельфы он направлялся не как представитель *decemviri sacris faciundis*, а как сенатор. См.: Jacoby F. Atthis. Oxf., 1949. P. 284. Note 73. То, что Пиктор вполне мог быть понтификом, полагает А. Момильяно: Tradition and the Classical Historian // HT. 1972. Vol. 11. № 3. P. 287.

¹⁴ Liv. IX.46.5. См.: North J. A. Religion in Republican Rome // САН². 1989. 7.2. P. 586. А. И. Солопов указал мне, что Цицерон, который не был авгуром, написал о них целое сочинение (*De auguriis*), из которого сохранились, впрочем, лишь два фрагмента (fr. 3–4. Ed. C. F. W. Mueller).

¹⁵ Knapp Ch. A Phase of the Development of Prose Writing among the Romans // CPh. 1918. Vol. 13. № 2. P. 139; Rawson E. Roman Tradition and the Greek World // САН². Vol. 8. P. 454; Marincola J. Authority and Tradition in Ancient Historiography. Cambr., 1997. P. 27.

¹⁶ По мнению Г. Петера, это произошло после 174 г. (op. cit. P. CXXXVIII–CXXXIX). См. также: Balsdon J. P. V. D. Op. cit. P. 161; Ogilvie R. M., Drummond A. The Sources for Early Roman History. P. 5; Сидорович О. В. Указ. соч. С. 116.

ской войны (Priscian. VII p. 733 = frag. 32 по изданию Петера), и после нее (Plin. Nat. hist. XIII.84 = frag. 37), он назвал «Последняя Пуническая война» (*Cassius Emina annalem suum quartum hoc titulo inscripsit: Bellum Punicum posterior* – Priscian. VIII p. 767 = frag. 31)¹⁷. Стоит еще отметить, что Плиний называет Гемину *ex antiquissimis auctor*, а также *vetustissimus auctor annalium* (Nat. hist. XXIX.12; XIII.84)¹⁸. Таким образом, если бы Пиктор оказался еще и первым историком, писавшим на латинском языке, то наши источники наверняка бы об этом упомянули: тот же Плиний, который пишет лишь, что *Fabius Pictor in annalibus suis* без уместного, казалось бы, здесь какого-нибудь *antiquissimus* или *vetustissimus*. Но они молчат.

Имеющиеся свидетельства позволяют нам усомниться в том, что «Латинские анналы» явились более поздним переводом «Греческих». Вообще, хотя римляне знали поэтический перевод и занимались им, перевод прозаический, кажется, в римской историографии места не имел¹⁹. Если римские историки должны были привести фрагмент из сочинения на греческом языке, то они представляли только тот отрывок, что им был нужен, используя прямое цитирование. Примером может быть Непот, который дважды цитирует Фукидида (*Them.* IX; *Paus.* II.3–4), и Авл Геллий (XI.8), который приводит заимствованный у того же Непота (из тринадцатой книги *De illustribus viris*) отрывок из Авла Альбина сначала в пересказе, а затем записывает точный перевод (срав.: *Polyb.* XXXIX.1)²⁰.

Наконец, следует специально остановиться на том предложении из Ливия, которое, на первый взгляд, должно свидетельствовать в пользу того, что римляне занимались прозаическими переводами с греческого языка, включая сочинения римских историков. Итак, вот что Ливий пишет о событиях 212 года (XXV.39.12): *ad triginta septem milia hostium caesa auctor est Claudius, qui annales Acilianos ex Graeco in Latinum sermonem vertit*. Совершенно очевидно, что Ливий в данном случае

¹⁷ Остается не очень понятным, как в таком случае согласовать сообщение Цензурина, что Гемина описывал события 146 г. (XVII.11)? Можно предположить, что до 149 года он написал только четвертую книгу, которую и издал отдельно (*Frier B. W. Op. cit.* P. 248). Стоит заметить, что это хорошо согласуется с известным началом Ливия к своей XXI книге (1.1): *in parte operis mei licet mihi praefari, quod in principio summae totius professi plerique sunt rerum scriptores*. То есть Ливий ставит себе в заслугу то, что он, в отличие от большинства писателей, второй Пунической войне уделяет не все сочинение, а только часть.

¹⁸ См.: *Peter H. Op. cit.* P. CLXVIII–CLXIX. Подробнее о Гемине см.: *Сидорович О. В.* Указ. соч. С. 121–125, где исследовательница пишет, что Гемина «был первым латинским автором после Катона». Замечу тут же, что Плиний ни разу не оговаривает древность Фабия Пиктора (Nat. hist. X.71; XIV.89).

¹⁹ *Frier B. W. Op. cit.* P. 250.

²⁰ О принципах Авла Геллия-переводчика см.: *Beall Stephen M.* Translation in Aulus Gellius // *CQ.* 1997. Vol. 47. № 1. P. 215–226, где исследователь утверждает, что римский писатель занимался подобным переводом для улучшения собственного стиля (*aemulatio Graecorum!*). Марий Викторин приводит отрывок из сочинения Цинция Алимента (P. 2468), Макробий – Постумия Альбина (*Sat.* III.20.5), Сервий – Цинция Алимента (*Ad Georg.* I.10, хотя в данном месте Сервий мог использовать Кассия Гемину).

пользуется анналами не Ацилия, а Клавдия Квадригария. Поэтому и Клавдий оказывается не переводчиком всего греческого сочинения, но лишь некоторой части, о чем имеется дополнительное свидетельство у того же Ливия (XXV.14.5): *Claudius, secutus Graecos Acilianos libros*²¹. Некоторым подтверждением того факта, что в Риме перевод прозаический не получил такого распространения, как поэтический, может быть то, что поэты-переводчики, будучи небогатого происхождения, рассчитывали на массовое восприятие своих произведений; историки же, являясь представителями высшей знати и обладая достаточным образованием, отнюдь не испытывали насущной потребности в переводе с греческого языка и, возможно, даже вполне нарочито хотели удерживать непреходимую черту²². Известный нам случай перевода прозы на латинский язык в Риме нес достаточно специфические черты. Достаточно назвать перевод труда карфагенянина Магона по сельскому хозяйству, специально санкционированный сенатом (Plin. *Nat. hist.* XVII.22; Colum. *De re rustica*. I.1.13: *illa volumina ex senatus consulto in Latinum sermonem conuersa sunt*)²³.

Таким образом, Кв. Пиктор не был автором ни «Латинских анналов», ни, если воспользоваться свидетельством Нония, сочинения о понтификальном праве²⁴. Но тогда, кто именно? Какой Фабий Пиктор?

Нам известно, что в семействе Пикторов был, как минимум, еще один сочинитель кроме Квинта. Этот второй Фабий являлся, по видимому, внуком первому римскому историку, и Цицерон о нем написал, что он *et iuris et litterarum et antiquitatis bene peritus* (*Brut.* 81). И если, пользуясь свидетельством Нония, признать, что автором этих двух сочинений был один и тот же человек, то, скорее всего, это может быть Нумерий Фабий Пиктор, внук первого римского историка, чей расцвет жизни приходится примерно на 160–150 гг.²⁵ Не исключено, что Нумерий мог использовать работу своего деда или даже имел замысел популяризировать ее²⁶. Позднее, возможно, три представителя семейства

²¹ Frier B. W. Op. cit. P. 248–250. Все же замечу, что представленное рассуждение, к сожалению, само по себе не может являться искомым доказательством. В античности, кажется, не знали авторских прав. Потому-то переводчик и становился уже автором. И трудно сказать, когда мы читаем Плавта, следуем ли мы за Менандром или за Плавтом, который пьесы Менандра переводил на латинский язык (*secuti Menandrum aut Plautum, qui tragoedias Menandras ex Graeco in Latinum sermonem vertit*)?

²² Можно вспомнить для сравнения «кастовый» язык немецкой классической философии.

²³ Цицерон свидетельствует, что за учением Эвгемера следовал Энний, который даже перевел его (*noster et interpretatus est et secutus praeter ceteros Ennius – De nat. deor.* I.119).

²⁴ Предположение А. Гудемана, что работа о понтификальном праве являлась фальсификатом, то есть некоторой литературной подделкой, использующей известное имя, либо же написанная каким-то неизвестным родственником, вполне согласуется с представленным выводом: Gudemana A. *Literary Frauds among the Romans* // TAPA. 1894. Vol. 25. P. 163.

²⁵ О преномене этого Пиктора подробнее см.: Münzer F. Ser. (?) Fabius Pictor // RE. Bd. 6.2, 1905. Sp. 1842–44; Frier B. W. Op. cit. P. 232.

²⁶ Perret J. Les origines de la légende troyenne de Rome (281–31). P., 1942. P. 497; Frier B. W. Op. cit. P. 250.

Пикторов внесли известную сумятицу у более поздних писателей: ведь дополнительную путаницу мог привнести еще и Кв. Фабий Максим Сервилиан, который, будучи понтификом, написал «Анналы», а также сочинение о понтификальном праве²⁷.

Утверждение, что Фабиев-историков было двое и они жили в разное время, согласуется с теми пассажами, где приводится перечисление или же даже говорится не об одном Фабии, а о нескольких (*omnes hoc historici, Fabii, Gellii sed maxime Coelius* – Cic. *De div.* I.55²⁸; *ut noster Cato, ut Pictor, ut Piso* – *De orat.* II.51; *Ennium Pictoremque Fabium secutus* [sc. Varro] – Quint. *Inst.* I.6.12; *Sammonicus, Granius, Valerius Antias et Fabius indicabunt* – Arnob. VI.7; *ex nostris autem Cincius, Fabius, Gellius tradiderunt* – Mar. Victor. *Ars gramm.* 1 p. 23 K). Видно, что авторы не ставят Пиктора на первом месте. Это было бы весьма странно, если бы речь шла о самом первом римском историке. Но это кажущееся недоумение легко объяснить, предполагая, что речь идет именно о Нумерии.

Ситуация с двумя Фабиями Пикторами-сочинителями вовсе не такая уж невозможная, как может показаться на первый взгляд. Точно так же можно было бы ошибиться, если зная о двух Толстых, сыновьях Николая, решить, что участник Крымской войны написал роман «Хожение по мукам».

К тому же мы располагаем одним свидетельством такой путаницы.

Речь идет о фразе Гиеронима из письма к Гелиодору: *nobilem virum Q. Fabium miratur antiquitas, qui etiam Romanae scriptor historiae est; sed magis ex pictura quam ex litteris nomen invenit* (*Ep.* 60 *ad Heliodor.*). Только какой Фабий здесь имеется в виду? Если Квинт, то, скорее всего, это тот, кто был *Romanae scriptor historiae*, но тогда не художник; если же он все-таки *ex pictura nomen invenit*, то тогда это не Квинт, а Гай, первый из Пикторов, который и заслужил это прозвище, расписав красками храм Спасения в 304 г. (Plin. *Nat. hist.* XXXV.19). Впрочем, учитывая то, что *praenomen* Гай засвидетельствован у Валерия Максима (VIII.14.6), следует предположить, что Гиероним мог ошибиться в имени, ведь вероятность того, что первый римский живописец оказался еще и первым римским историком, мала: категоричность более осведомленных Дионисия и Ливия относительно приоритета Квинта это подтверждает. Сведений о другом Фабии-художнике у нас нет. Поэтому очевидно, что Гиероним в то самое время, когда об обоих членах рода Фабиев знали только через вторые руки (храм спорел в

²⁷ См. Приложение II. Хотя имеется всего один отрывок из данных комментариев (Macrobian. *Sat.* I.16.25), но, по всей видимости, не приходится сомневаться в существовании этой работы: ведь Макробий отделяет эту книгу от книг Фабия Пиктора (III.2.3; 11).

²⁸ Принята поправка Т. Уайзмана вместо *proxime*: Wiseman T. P. Cicero, *De divinatione* I.55 // CQ. 1979. Vol. 29. № 1. P. 142–144).

правление Клавдия (Plin. Nat. hist. XXXV.19), отождествил одного Пиктора с другим²⁹.

Если действительно Фабиев Пикторов было двое и оба они были авторам «Анналов», то тогда возникает вопрос: откуда черпали свои цитаты более поздние сочинители, приписывая их некоему «Фабию Пиктору»? И новый вопрос: если использование «Греческих анналов» кажется вполне резонным для эллинистических писателей, то кто из римлян знал и использовал это сочинение? И, наконец: кто из античных авторов называет двух Фабиев или во всяком случае как-то указывает на существование «Анналов», написанных на разных языках?

По мнению Г. Петера лишь один писатель точно указывает на существование двух Фабиев. Это Цицерон. Свое убеждение немецкий исследователь строит на том, что римлянин в своем сочинении *De oratore* (II.51 и 53), написанном в 55 г., дважды помещает Фабия Пиктора после Катона и перед Пизоном³⁰. В данном фрагменте Катут, участник диалога, говорит, что в сочинении исторического произведения проявляется высшее мастерство оратора, как это было у греков. На что Антоний отвечает, что «греки сами так же начинали, как наш Катон, Пиктор и Пизон», а чуть ниже сравнивает перечисленных римлян с Ферекидом, Геллаником и Акусилаем, которых нужно хвалить лишь за одно: за то, что они писали кратко (*unam dicendi laudem putant esse brevitatem* – II.53). По мнению Г. Петера, речь в данном фрагменте может идти только о тех, кто писал на латинском языке. В пользу предположения, что Цицерон знал про разные «Анналы», свидетельствует также фрагмент из *De divinatione* (I.43): *quod in nostri Fabii Pictoris Graecis annalibus*. Зачем нужно было специально оговаривать, что анналы именно греческие, если бы они только греческими и были? Достаточно было бы упомянуть просто *in annalibus*, как и поступил впоследствии Плиний. Наконец, знакомство Цицерона с двумя сочинениями подтверждает фрагмент из *De divinatione* (I.55), где он пишет не об одном Пикторе: *omnes hoc historici, Fabii, Gellii, sed maxime Coelius*. То, что римлянин знал о первенстве Кв. Фабия в написании исторического сочинения, подтверждает отрывок из *De legibus* (I.6), где порядок перечисления следующий: анналы великих понтификов, Фабий, Катон (*qui tibi semper in ore est*), Пизон, Фанний, Венноний³¹. Т. Уайзмен полагает, что Цицерон был досконально знаком с римской историографией и поэтому вряд ли речь может идти о каком-то случайном недоразумении³².

²⁹ Ф. Мюнцер полагал, что в данном фрагменте речь идет о первом Пикторе – Гаеме (Fabius // RE. 1909. Bd. 6.2. Sp. 1835). См. также: Peter H. Op. cit. P. LXIX.

³⁰ А. Е. Кузнецов полагает, что данное перечисление основано на аксиологическом принципе, что подтверждается фразой Цицерона о Катоне *qui tibi semper in ore est* (*De leg.* I.6). Предположение же, что в этих и подобных перечислениях авторы следовали алфавитному порядку (Cato, Fabius, Pison у Цицерона; Ennius, Fabius у Квинтилиана [*Instit.* I.6.12]; Cincius, Fabius, Gellius у Марии Викторина [*Ars gramm.* 1 p. 23 K]), мне кажется если и красивым, то необоснованным.

³¹ Peter H. Op. cit. P. LXXVII–LXXIX.

³² Wiseman T. P. Op. cit. P. 143.

Никаких иных свидетельств того, что другие римские писатели были знакомы с обоими «Анналами», у нас нет. Более того, кроме Цицерона лишь один римлянин в своем сочинении приводит только «Греческие анналы» – Ливий. Но, строго говоря, это традиционное утверждение требует специального доказательства. И вот почему.

1. Ливий четко персонифицирует Пиктора, называя преномен, лишь однажды: когда сообщает о знаменитом посольстве в Дельфы в 216 г. после каннского поражения римлян (XXII.57.5; XXIII.11.1–6). Во всех остальных случаях личное имя не называется. Вот, что должно показаться странным: Ливий приводит ответ Пифии, где употребляются архаичные формы слов: *faxātis, duelli* (XXIII.11.2). Ведь если Ливий при описании важного для государства действия, совершенного Пиктором, использовал его греческое сочинение, то откуда устаревшая латынь? К этому удивлению должно прибавиться еще и то, что Евтропий и Орозий при описании войны против галлов в 225 г. ссылаются на авторитет Фабия, который был участником этого события (*traditumque est a Fabio historico, qui ei bello interfuit* – Eutr. III.5; *sicut Fabius historicus, qui eidem bello interfuit scripsit* – Oros. IV.13.6–7). По всей видимости, своим источником эти сочинители имели книги Ливия из второй декады, которая до нашего времени не сохранилась, а не сочинение самого участника войны. По-видимому, оттуда же и было заимствовано выражение *qui ei bello interfuit*, что для самого Ливия выглядит вполне естественно (ср.: XXII.7.4 [о самом Фабие]; XXI.38.3 [о Цинции Алименте]; XXXIV.15.9 [о Катоне Старшем]). И вот что странно: почему Ливий при описании событий 225 г. не преминул упомянуть Фабия, а, приводя большую цитату оракула, свой источник не называет, хотя, очевидно, им должен был быть труд самого участника события? К нашему удивлению следует добавить еще и то, что Фабий-то ответ Пифии переводил и именно этот вариант, по всей видимости, Ливий и приводит: *haec ubi ex Graeco carmine interpretata recitavit* (XXIII.11)³³.

2. Прямая цитата на латыни присутствует и в II.40.10–11 (*multo miserius seni exsilium esse*). Впрочем, ничего архаичного в ней нет.

3. Делать заключение, что Ливий читал греческого автора из утверждения, что какой-то Фабий – *antiquissimus auctor*, некорректно. Во-первых, Ливий точно не указывает, что это именно тот Фабий, который вообще первый историк. Во-вторых, в VIII.30.7 историк пишет: *apud antiquissimos scriptores una haec pugna invenitur*, а чуть ниже: *seu credere libet Fabio auctori* (VIII.30.8). Вполне логично допустить, что если римский анналист и в самом деле *antiquissimus*, то во всяком случае он таковой не один в ряду остальных *antiquissimos scriptores*. Что же мешает допустить, что здесь речь идет о Нумерии, который хронологически вполне мог быть назван подобным оборотом?

³³ Гипотеза о том, что Ливий пользовался именно латинским источником, а в греческом варианте этот рассказ вообще отсутствовал, согласуется с тем, что Плутарх и Аппиан лишь вскользь упоминают об этом посольстве (Plut. *Fab.* XVIII.3; App. *Hannib.* 27).

4. Фраза *eo magis Fabio, praeterquam quod antiquior est, crediderim* [...] *quam Pisoni* (I.55.7), вполне может относиться и к Нумерию, который все же был старше Пизона.

Приведенные умозаключения, к сожалению, не являются убедительными доказательствами того, что Ливий не читал или не был знаком с «Греческими анналами»: ведь утверждение, что историк не знал греческий язык, кажется все же фантастическим, хотя мы и не располагаем какими-либо свидетельствами обратного. Бесспорно, что он пользовался сочинением Фабия напрямую (*invenio, habui*). Но как объяснить, что Фабия-участника событий, он называет по имени, а Фабий-писатель всякий раз упоминается без преномена? Этот вопрос остается открытым.

Если вышеприведенные рассуждения, что Цицерон был знаком с обоими сочинениями Пиктора, а Ливий – только с латинским вариантом, являются достоверными, то можно сделать вывод о сюжетном различии в обоих «Анналах». Ведь если Цицерон приводит рассказ о сне Энея, почерпнутый им именно из «Греческих анналов» (*De divin.* I.43), между фрагментами из сочинений Энния и Акция, то почему же он не приводит фрагмент из «Латинских», что было бы логичнее и проще? Не потому ли, что этого рассказа в сочинении Нумерия вообще не было? Если Ливий, Плутарх – а он был весьма сведущ в делах Дельфийского оракула! – и Аппиан при описании посольства 216 г. не воспользовались греческим образцом, то, возможно, по той же самой причине: Кв. Пиктор не поместил этот сюжет в свою работу, а он бы включен в свое сочинение Нумерием, которое для Плутарха и Аппиана могло оказаться недоступным.

Очень заманчиво объяснить путаницей между двумя Пикторами и те несоответствия, которые существуют в описании, связанном с рождением Ромула и Рема у Дионисия (I.79.4–83.3) и Плутарха (*Rom.* 3.1–8.9). Различный источник – и тот и другой называют Фабия Пиктора – эллинических писателей должен был бы объяснить различие написания имени Рема: *Ῥέμος* (Плутарх) и *Ῥώμος* (Дионисий); имени Нумитора: *Νομήτωρ* (Плутарх) и *Νεμέτορος* (Дионисий); наконец, то, что у одного Фабий следует в своем описании за неведомым Диоклом из Пепарета (*πρώτος εἰς τοὺς Ἕλληνας ἐξέδωκε Διοκλῆς Πεπαρήθιος, ὃ καὶ Φάβιος ὁ Πίκτωρ ἐν τοῖς πλείστοις ἐπικολούθηκε* (Plut. *Rom.* 3.1), а у второго – за Фабием следуют Цинций Алимент, Порций Катон и Кальпурний Пизон (*Κοίντος μὲν Φάβιος ὁ Πίκτωρ λεγόμενος, ὃ Λεύκιος τε Κίρκιος καὶ Κάτων Πόρκιος καὶ Πίσων Καλπούριος καὶ τῶν ἄλλων συγγραφέων οἱ πλείους ἠκολούθησαν* (Dion. Hal. I.79.4)³⁴. Но все же это не так. То, что Дионисий использовал не «Греческие анналы», кажется просто невероятным (ср.: I.6.2; 79.4), хотя Дионисий, по его собственному утверждению, знал латинский язык (I.7.2).

³⁴ Подробнее о различиях см.: Мосолкин А. В. Диокл из Пепарета как источник Фабия Пиктора // Новый век: История глазами молодых. Саратов, 2005. Вып. 3. С. 3–16.

Доказательством же того, что Плутарх использовал именно «Греческие анналы», может быть следующее. У Плутарха существует вариант написания имени Рема через ω : *Rom.* 2.2 (со ссылкой на неизвестных писателей); *Aetia.* 268 F (со ссылкой на правдоподобную версию: ἄτερος δὲ τῶν μύθων πιθανώτερος); *Parall. min.* 315 A (со ссылкой на Аристиди из Милесии)³⁵. Кажется, Плутарх в написании имен больше следует своему оригиналу, чем Дионисий, так как у последнего для всего сочинения принято единообразие имен, которому он подчиняет имеющиеся у него варианты, почерпнутые из трудов иных писателей. И именно с написанием Плутарха согласуется написание имени Рема, которое приводится в единственном нашем эпиграфическом источнике, связанным с Пиктором³⁶!

Предположение о том, что «Латинские анналы» в Риме уже в I в. вытеснили «Греческие», позволяет нам объяснить те загадочные, на первый взгляд, высказывания, которые мы находим у античных авторов, перечисляющих своих предшественников, не уделяя Пиктору первое место или же не поясняя, о каких анналах идет речь (*Plin. Nat. hist.* X.71; *Quint. Inst.* I.6.12; *Arnob.* VI.7; *Mar. Victor. Ars gramm.* 1 p. 23 K)³⁷.

Причина, по которой «Греческие анналы» исчезают из цитирования римских писателей, может быть крайне простой: если есть две соименные работы двух авторов, носящих один *nomēn* и *cognomen*, то не проще ли читать ту работу, которая написана на родном языке? В то самое время, когда Лукреций жаловался на грубость латинского языка, Гораций приписывал себе единственную заслугу, что он стал переводчиком на латынь греческих стихотворных размеров, а Вергилий сетовал на невозможность создания какого-либо литературного сочинения на родном языке, вот именно в это самое время свитки с «Греческими анналами» покрывались в библиотеках пылью и становились музейным экспонатом, который все видят, но мало кто удосуживается развернуть. Причина забвения была крайне проста: неудобство.

Вывод данной статьи, что римские историки безоговорочно использовали именно «Анналы» на латинском языке и, по всей видимости, лишь смутно представляя содержание первоначального варианта, вовсе не является выводом самим по себе, не имеющим никаких последствий. Это утверждение может предоставить новые

³⁵ Написание *Neimētoros* у Плутарха не зафиксировано.

³⁶ Сам текст и комментарии к нему см.: *Manganaro G.* Una biblioteca storica nel ginnasio di Tauromenion e il P. Oxy. 1241 // *PP.* 1974. Vol. 29. P. 389–409. Впрочем, дотошность вынуждает признать, что написание имен в данной дипинте не является образцовым. Ведь как тогда объяснить искаженную форму когномена: Πικτωρίνος?

³⁷ Здесь можно лишь поставить вопрос, не оказались ли «Греческие анналы» среди тех, по словам Тацита, древних и достоверных списков трудов великих писателей, которые сгорели в результате пожара 64 г. н. э. и которые не могли быть восстановлены (*Ann.* XV.41)?

аргументы в старом споре: для кого и когда писал Квинт Фабий свое сочинение? Ведь если «Греческие анналы» и не стали «популярными» в Риме, то правомерно задать вопрос: а для Рима ли они писались³⁸? Но, как водится, конечный вопрос одной статьи задает тему следующей.

ALEXEY V. MOSOLKIN (SARATOV)

**ON THE AUTHORSHIP OF *ANNALES LATINI*
AND *IURIS PONTIFICII LIBRI***

The first historical work on Romans, the so-called *Annales Graci* written by Q. Fabius Pictor in Greek circa the end of III–II B. C., was replaced by *Annales* written by Fabius Pictor in Latin in I B. C., and later ancient writers (Livius, Isidor) referred to the latter. *Annales Latini* must have been written by Numerius, Fabius's grandson.

³⁸ Ср.: *Time D.* Fabius Pictor und die Anhänge der römischen Historiographie // ANRW. 1972. 1.2. S. 931–932, где автор утверждает, что если бы Фабий писал свою работу, только учитывая текущие политические выгоды, пусть даже и очень важные для своего времени, то вряд ли работа его на столь долгое время стала бы известна. См. также: *Momigliano A.* Fabius Pictor and National History // *idem.* Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxf., 1977. P. 97–98; *Chassignet M.* Op. cit. P. LI. Contra: *Gelzer M.* Römische Politik bei Fabius Pictor // *idem.* Kleine Schriften. Wiesbaden, 1964. Bd. 3. S. 51 ff; *Alföldi A.* Early Rome and the Latins. Ann Arbor, 1965. P. 169; *Frier B. W.* Op. cit. P. 280 ff. Немецкие издатели фрагментов сочинения Пиктора вообще стараются избежать этого вопроса: *Die frühen römischen Historiker.* S. 17–18, 58–59. См.: *Jacoby F.* Op. cit. P. 62, где автор полагает, что римляне вообще начинали писать не для римских фермеров, а для греческой публики.